

ВСЕ ЗВЁЗДЫ ТУТ

ОЛЯ - 45
КОСТЯ - 55
КРИСТИНА - 23
АННУШКА - 70
ЛЕВ - 27
МАРИЯ - 55

1.

Кабинет директора. Мария и Костя.

КОСТЯ. И снова повторяю..

МАРИЯ. Третий раз, если точнее..

КОСТЯ. Вы не имеете права, Мария Ивановна, вводить второй состав. Вы не худрук, худрука вообще у нас почему-то нет, вы не можете решать эти вопросы от слова совсем. Что у нас на спектакле возник эксцесс..

МАРИЯ. Эксцесс. О, боги-аллахи.

КОСТЯ. Да, эксцесс, так это и на старуху бывает проруха. У меня, вы знаете, сложные жизненные обстоятельства. И что? У кого не бывает? Дублировать меня никем не..

МАРИЯ. Костя, ну что плохого, если будет второй состав, ну что? Никто не увольняет тебя, премии не срезает, что?

КОСТЯ. Вам трудно понять, вы бухгалтер.

МАРИЯ. Я директор теперь, вообще-то.

КОСТЯ. Ну, директор - это так, натура-то осталась прежняя, Маш, если честно. Понять тонкие вещи человеку нетворческому крайне сложно. В обычной жизни кто я? Полноватый любитель кошек. А здесь?

МАРИЯ. Скандалист. Сключник.

КОСТЯ. А здесь, в этой башне из слоновой кости, я король. Клавдий, Лир, даже маленький принц в Экзюпери.

МАРИЯ. Принца надо бы заменить на помоложе, кстати.

КОСТЯ. Волшебник в «Продавце дождя», богатый купец у Островского, Борис Годунов у Пушкина. Это всё я! Я!

МАРИЯ. Но я же не забираю роли, Костя. Мы просто говорим о втором составе, обычная практика! Ну, многие спектакли, а именно, четырнадцать, имеют вторые составы, и..

КОСТЯ. А меня не интересует большинство! Всякая такая средняя температура по больнице. Я особенный, Маша. Если честно.

МАРИЯ. Да все вы особенные, у нас тут все звёзды!

КОСТЯ. Нет, только я. Особенный. Вот ты - среднестатистическая. Скучная, серая, новости по телевизору смотришь, про грядки думаешь, из смелых поступков - опоздать на пятнадцать минут.

МАРИЯ. Э, полегче!

КОСТЯ. Или хлопнуть второй стакан шампусика на восьмое марта. Не осуждаю тебя. Не осуждаю! Ты - человек, сделанный из цифр. А я... сотканный из божественного дыхания. «Дыша духами и туманами» - это про меня. Таких не хоронили со всеми. Я - Трикстер, понимаешь?

МАРИЯ. Понимаю.

КОСТЯ. Да ничё не понимаешь, даже слово такое не знаешь. Кто такой Трикстер, Маша?

МАРИЯ. Неважно, в общем, Константин Михайлович, давайте без фамильярности, приказ дан. А вы идите репетируйте интермедию.

КОСТЯ. Не хочу интерме...

МАРИЯ. Иди и репетируй, что велено! Хоть интермедию, хоть чёрта лысого. И дышать можешь чем угодно, хоть туманами, хоть тюльпанами, хоть... целлофанами, мне главное – результат. И, кстати, про грядки я не думаю совсем, придумал. Пошла навстречу, комнату дала в театре, на всём готовом тут, а он! Хамло.

КОСТЯ. Обиделась. Ну что же, как там у «Лиры»: правду всегда гонят из дому, как сторожевую собаку, а лесть лежит в комнате и воняет, как левретка.

МАРИЯ. Иди-иди. И скажи спасибо, что в полицию не сдала.

Костя уходит, Мария делает жест «Но пасаран». Душится духами.

2.

Репетиционный зал. Оля, Костя, Кристина, Аннушка.

АННУШКА. Который час?

ОЛЯ. Почти половина двенадцатого.

КОСТЯ. Отыграем все эти ёлки дебильные, и к отцу помчу.

ОЛЯ. К отцу? Внезапно.

КОСТЯ. Теперь точно. Пойдём на рыбалку.

ОЛЯ. Ты на рыбалку?

КОСТЯ. В детстве любил. Там рыба такая есть – голомянка. Маленькая, вся из жира, прозрачная как мои намерения. На солнце посмотришь – светится, свет проходит как через стекло.

АННУШКА. Товарищи, кстати, вы не видели мой перстень, жёлтый, как глаз кошки? И тоже свет проходит.

ОЛЯ. Ань, ты нас полгода про него спрашиваешь, мы не видели. (Косте) Так странно, что ты про рыб вспомнил, Костян.

КОСТЯ. Особенно самки, они крупнее. Крупнее, сильнее, а мы... В общем, вкусная, как... как мой первый «Сникерс». В глубине спряталась, а мы её наружу, наружу, да на шпажки. И по льдам гулять. Байкал весь бриллиантовый, и свет через него.

ОЛЯ. Дверь откройте, пожалуйста! Спасибо.

АННУШКА. Который час?

ОЛЯ. Ань, ты только что спрашивала – половина двенадцатого.

АННУШКА. Разве? Допустим. А где режиссёр?

ОЛЯ. Главное – все звёзды тут, да ведь?

КОСТЯ. Точно. А без режиссёра уже три года бултыхаемся.

АННУШКА. Режиссёр забыл про репетицию, *experto credite* – верьте опытному.

КОСТЯ. А зачем он нам, если честно? Оля сама каждый год ставит такое.

ОЛЯ. На этот раз парнишка какой-то мутный из столиц. Своего хударука нет, так и будем теперь по рукам ходить. Ладно, поничониделаем пока. Если я двадцать пять в месяц получаю, то сколько стоит час?

КОСТЯ. Нисколько.

ОЛЯ. Над горю високою голуби літают: я роскоши не зазнала, а літа минают.

КРИСТИНА. Потихе, пожалуйста, роль повторяю.

ОЛЯ. А, да?

АННУШКА. А как вас зовут, дорогуша?

КРИСТИНА. Кристина меня зовут, Анна Константиновна.

АННУШКА. Вы у нас в театре теперь служите?

КРИСТИНА. Да, с сентября, мы же с вами в одной гримёрке.

АННУШКА. То-то я вижу - лицо знакомое.

КРИСТИНА. Вы же меня в гости домой позвали, мы чай пили из вашего фарфора этого белого, с позолотой.

АННУШКА. Да, конечно, помню, дорогуша.

ОЛЯ. Ну что, товарищи, разрешите сообщить вам народную мудрость: если нет собаки - идёшь на охоту с кошкой. То есть другими словами, не будем ждать режиссёра, начнем. Тем более, все мы понимаем, репетировать там особо...

КОСЯ. Вот и становись уже режиссёром, давно говорю тебе.

ОЛЯ. Уж эту интермедию на двадцать минут мы с вами как-нибудь...

КРИСТИНА. Не, не согласна. Нет маленьких ролей, мой мастер говорил.

ОЛЯ. Не согласна, да, Кристин?

КРИСТИНА. Каждый спектакль, даже маленький, он требует полного...

АННУШКА. Так, дорогая, так!

КРИСТИНА. ...вложения.

КОСЯ. Друзья, Оля права, давайте начнём. У меня ещё детская студия сегодня, честно говоря.

ОЛЯ. Спасибо, Костян, видно опытного артиста. *(Кристине)* Полное вложение мы тебе организуем.

КОСЯ. Давайте, друзья, побыстрее, мой выход в конце, так что я пока тут в сторонке.

ОЛЯ. Итак, новогодняя интермедия, я - олицетворение зла, Костян - Дед Мороз, Аннушка - Дракон, и ещё есть Снегурочка, у которой личико беленько, да ума маленько.

КРИСТИНА. Не согласна с такой трактовкой моего персонажа.

КОСЯ. Можно наоборот: личико черное, а ума палата.

ОЛЯ. Да, так более современно звучит, Блэк лайфс и всё такое. Но ты, Костян, хотел в сторонке посидеть. Итак, слушаем все меня. Прогоняем с текстом в руках и расходимся. Первый выход - Снегурочка. Давай, Кристин, пошла.

КРИСТИНА. Как? Так? Без режиссёра? Но я не... Какая у меня в этой сцене сверхзадача?

ОЛЯ. Ты чё гонишь что ли, Кристин?

КОСЯ. Сверхзадача - не попасть в дурку.

ОЛЯ. Это новогодняя интермедия, просто выходишь как в детском саду к детям и говоришь им. *(Читает с листа)* «Здравствуйте, ребята. Вы меня узнали? Правильно. Я Снегурочкой зовусь, в танце весело кружусь! Со снежинками играю, с Новым годом поздравляю!» Что тут непонятно, блин?

КРИСТИНА. Но я правда не могу без режиссёра, это непрофессионально же.

ОЛЯ. Непрофессионально?

КРИСТИНА. Да, не бывает театра без режиссёра.

ОЛЯ. Я твой режиссёр, Кристин, я! Слушай меня! Тебя сюда послали на эту интермедию не как звезду, а как мусор, понимаешь? Вот и не надо выпендриваться.

КРИСТИНА. Почему мусор?

ОЛЯ. Потому что я прогуливала репетиции, Костя завалил спектакль, у Аннушки амнезия, а ты бестолковый молодняк.

АННУШКА. Это смешно, нет никакой амнезии у меня. Кстати, который час?

ОЛЯ (*Кристине*). Да-да, не моргай глазками.

КРИСТИНА. Вы же сказали – все звёзды тут.

КОСТЯ. Я завалил по состоянию здоровья, у меня уважительная...

ОЛЯ (*перебивает*). И вот когда ты всё поняла, давай делать. Иди своими ноженьками и делай Снегурочку, будь добренька. И всё, ротик закрыли, обсуждение закончилось. Давай, полетела стрекоза любви.

КРИСТИНА. «Здравствуйте, ребята. Вы меня узнали? Правильно. Я Снегурочкой зовусь, в танце весело кружусь! Со снежинками играю, с Новым годом поздравляю! Сегодня самый волшебный праздник! И самый главный на нем мой дедушка, дедушка Мороз. Я пойду его встречу и к вам на праздник приведу».

ОЛЯ. Чё так душераздирающе-то? Дети разревутся.

АННУШКА. Немного радостнее, дорогая, *vive hodie* – сегодня живи!

ОЛЯ (*Кристине*). Да, полегче, полегче, со смехуёчком: «В танце весело кружусь, со снежинками играю!» И уходишь. Вхожу я. «Я Злюка, ля-ля-ля-ля. Ни с кем я не вожусь, ни с кем я не дружусь, люблю одну себя, ля-ля-ля. Ну что это такое? Безобразие! Ни одной приличной лужи не осталось, ни одной канавы с грязью. Дед Мороз всё заморозил, подлец. Как жить? Я же Злюка Мокреjšая! Утром в луже, в полдень в болоте, а на ночь в канаву с грязью залезаю. Лежишь себе, пузыри пускаешь. Правда, хорошо? Это кто это тут со мной спорит? Никого не вижу. (*Как будто достает подзорную трубу*) Ну-ка, еще раз прокричите и рукой мне помашите. Вижу-вижу, вы кто? Дети? Которые стекла бьют, взрослым спать не дают? Вы хорошие? Воспитанные? Вы, может, еще и родителей слушаетесь? И добрые дела делаете? Ой, ну всё, с вами не вожусь. Вы кого ждали? Деда Мороза? Ну сейчас устрою праздничек. Это волшебный мешок с тучами. Тучка-тучка, вылезай, теплый дождик выпускай, Дед Мороз, растай! Растай!»

КОСТЯ. Кстати, про глобальное потепление сказка.

АННУШКА (*Оле*). Какая грандиозная роль, Оля. Мне кажется, я была бы хороша в ней.

ОЛЯ. Ну, что, Снегурочка, выходи. Находишь мешок мой и заглядываешь.

КРИСТИНА. «Ребята, а Дед Мороз еще не приходил? Ой, смотрите, а мешок его уже здесь! Надо начинать подарки дарить!» Не, не могу, не могу так. Нет связи с моим персонажем, всё фальшиво, не знаю, кринж.

ОЛЯ. Так, Снегурочка, эту рефлексю всю засунь себе куда-нибудь. В свою ледяную попку. Просто роешься в мешке и находишь куклу деда мороза. Давай, удивление.

КРИСТИНА. Не буду.

ОЛЯ. А, да?

КРИСТИНА. Не буду в этом участвовать.

Кристина уходит на другой конец зала.

ОЛЯ. Незаменимых у нас нет.

АННУШКА. Я могу заменить. *Majori cede* – уступай старшему.

ОЛЯ. Лучше пока Костя. Давай, Костян. Находишь куклу деда мороза в мешке, и удивление.

Костя заменяет Кристину.

КОСТЯ. Не надо говорить, что играть, я уж после Короля Лира как-нибудь справлюсь, честно говоря.

ОЛЯ. Давай, «Дедушка? Что с тобой?»

КОСТЯ. «Дедушка? Что с тобой? Кто тебя так? Ребята, кто заколдовал Деда Мороза?»

ОЛЯ. Какой сексуальный голос. «Мешок отдай».

КОСТЯ. «Немедленно расколдуй Деда Мороза!»

ОЛЯ. «И не подумаю».

КОСТЯ. «Ну тогда мы его сами расколдуем, да, дети? Мой дедушка очень любит новогодние песни. Давайте споём!»

ОЛЯ. Дальше они поют и снова я. «Ха-ха-ха! Ну что? Не получилось? Эх ты. Как тебя зовут-то?»

КОСТЯ. «Снегурочка».

ОЛЯ. «Как? Дурочка? Курочка?»

КОСТЯ. «Я внучка Деда Мороза».

ОЛЯ. «Какого деда? Деда Заноза?» Странные слова конечно, откуда текст вообще? Давай снова: «Какого Деда? Деда Заноза?»

КОСТЯ. «Ах так?! Я позову... я позову дракона! Помогите, ребята! Хлопайте в ладоши: раз-два-три, рукой махай, дракон, прилетай!»

ОЛЯ. Давай, Аннушка, пошла.

Выбегает Аннушка, изображающая лебедя.

ОЛЯ. Стоп! Стоп! Что это, Ань?

АННУШКА. Что? Это пластический этюд.

ОЛЯ. Ты зачем лебедя раненого изображаешь? Ты дракона давай нам. Мать драконов тоже можно.

АННУШКА. Если коллеги не против, предлагаю заменить на лебедя. На мой взгляд, дракон – это не в полной мере наш русский национальный фольклор. А лебедь – напротив, наш, родной. Пушкин, царевна лебедь и так далее.

ОЛЯ. В смысле? Ты же должна пламя изрыгать по роли. Как ты себе это представляешь? Лебедь и пламя?

КОСТЯ. А что, кур опаливают же, значит, и лебедей...

АННУШКА. Можно убрать пламя. Кроме того, у нас нет подобного костюма. Дракона, имею в виду.

ОЛЯ (*Косте*). Нет?

КОСТЯ. У нас и лебедя нет, я узнавал. На дракона можно взять из подбора что-то. Крокодила, например.

ОЛЯ (*Аннушке*). Слышала? Есть отличный костюм, так что давай, мать, жарь.

АННУШКА (*читает*). «Здравствуйте, мои маленькие друзья! Что у вас случилось? Злюка Деда Мороза заколдовала?»

КОСТЯ. «Помоги, дракоша!»

АННУШКА. «Сейчас её пламенем спалю. Ой, что-то не получается. Горлышко болит. Помогите мне, ребята! Нужно сделать электрическую цепь, и тогда огонь зажжется! Беритесь за руки».

ОЛЯ. Отлично.

АННУШКА. Хотела осведомиться, а как связана электрическая цепь и натуральное органическое пламя огня из пасти дракона?

ОЛЯ. Ань, да пофиг. Так, что там дальше. *(Читает)* «Дети водят хоровод». И снова я. «Ха-ха-ха! Нет никакого огня!»

АННУШКА. «Что-то ничего не получается. Постарел я». Мне кажется, старость тут не при чём.

ОЛЯ. Конечно, не при чём, Ань, но драматург написал, мы играем. Так, Снегурочка, плачь!

Костя изображает плач.

ОЛЯ. «Слышь ты, как там тебя, Курочка. Не реви. Не заколдовывала я твоего деда. Это так, игрушка, в лесу нашла. Какой он, кстати, твой дед?»

КОСТЯ. «Ребята, расскажите Злюке про Деда Мороза. Дед Мороз снежком укутал зимний лес? Да!» Ну и там ряд вопросов. *(Оле)* Теперь ты, Оль.

ОЛЯ. «А, теперь понятно».

КОСТЯ. «А давайте попробуем его позвать. Дед Мороз!» Так, тут же моя роль дальше. Я же Дед Мороз.

ОЛЯ. Ну, давай теперь и за деда.

КОСТЯ. Ой, что-то я замотался. Давайте на этом закончим, мы и так в финале уже.

ОЛЯ. Ну, ты дальше сделаешь, да, Костян?

КОСТЯ. Ну конечно.

ОЛЯ. Ну отлично, миссия выполнена, спектакль готов. Пойдемте покурим.

АННУШКА. Acta est fabula – пьеса сыграна.

В комнату заходит Лев.

ЛЕВ. Здравствуйте, коллеги.

3.

Там же, те же, и Лев.

ОЛЯ. Можно просьбу? Я дверь оставляю открытую, ладно? У меня фобия.

ЛЕВ. Конечно. Для начала давайте просто познакомимся. Как я сказал, меня зовут Лев, можно без отчества, я только что закончил магистратуру у нашего прославленного режиссёра... не будем произносить его имя всуе. Он Мастер.

КРИСТИНА. Обожаю, обожаю его.

ЛЕВ. Да. Расскажу историю. После одного спектакля Мастера к нему подошел зритель, ну, в общем, какой-то обычный человек, вы понимаете. И он был возмущён, знаете. «Почему в пьесе говорилось про коня, а вы как режиссёр просто посадили актера на стул? Почему стул изображал коня?»

КРИСТИНА. Наивный!

ЛЕВ. Да, Кристина, наивный зритель. Но мой Мастер не перестал его любить после этого. Понимаете?

АННУШКА. Как он прав! Великий человек.

ЛЕВ. Потому что нельзя после Архипа Куинджи сразу показывать Джексона Поллока и Марка Ротко.

АННУШКА. Как-как вы сказали: Рудко?

ЛЕВ. Ротко, Анна Константиновна.

АННУШКА. Предпочитаю быть на одной волне с молодёжью, так что просто Анна, мерси.

ЛЕВ. Так вот, между этими феноменами есть бесконечные стадии, которые нужно изучить. К сожалению, лакуны в образовании часто ставят зрителей перед подобной дилеммой. Это проблема.

КРИСТИНА. Да-да.

АННУШКА. Невероятные лакуны, бесспорно.

ЛЕВ. Искусство – это создание художественных образов, а не дубляж реальности. И мы с вами будем эти образы создавать. Вижу, Ольга, вопрос в ваших глазах.

ОЛЬГА. Да, спасибо большое. Почему мы не на большой сцене? Ведь вы, я так понимаю, большой режиссёр, Лев.

ЛЕВ. Ценю вашу иронию, Ольга. Но это была моя просьба директору театра. Я, правда, вот так взял и попросил: дайте мне самое малое.

КРИСТИНА. Боже.

ЛЕВ. И только тогда, когда ты прошёл весь этот путь... Тогда имеешь право. Заслуживаешь его, вы понимаете? Мой Мастер, он всегда говорил... Так что мы с вами в начале. Нашего общего пути, так сказать.

АННУШКА. Как это прекрасно, скромно, правильно!

КРИСТИНА. Да-да!

ОЛЬГА. Просто мы никогда так серьёзно не подходили к интермедиям, как-то всё сами, без больших режиссёров. Всего лишь двадцать минут в фойе перед основным спектаклем. Извините ещё раз.

ЛЕВ. Театр начинается, как известно, с вешалки. С фойе. С интермедии. С малого.

КРИСТИНА. Извините? Можно я тоже скажу?

ЛЕВ. Конечно, Кристина.

КРИСТИНА. Вот вы рассказали про своего мастера, а у меня был тоже свой большой мастер. И.. мы занимались движением, ну, хореографией. И звуком! Помимо основного. И всё, что вы говорите, так откликается во мне. И рождает творческую энергию, вот отсюда, прямо отсюда.

ЛЕВ. А вы можете начать двигаться?

КРИСТИНА. Двигаться?

ЛЕВ. Вы как будто хотите сказать на этом языке нам что-то.

Кристина встаёт и исполняет сложные хаотичные движения. От входа на нее смотрит только что вошедшая Мария Ивановна. Она делает жест Но пасаран.

МАРИЯ. Здравствуйте, кого не видела. Репетируйте, на минутку.

ЛЕВ. Прекрасно, Кристин, очень выразительно.

КОСТЯ (Марии). А мы тут танцуем, Мария Ивановна.

МАРИЯ. Да вижу, вижу.

КОСТЯ. Слов не хватает, так мы их танцуем. (Аннушке) Ань, ты слова забудешь, так не расстраивайся, танцуй.

ЛЕВ. Константин...

КОСТЯ. Константин Михайлович.

ЛЕВ. А расскажите немного о себе, Константин Михайлович.

КОСТЯ. Я всю жизнь в театре, переиграл весь репертуар, многократно награжден, лауреат, про моё исполнение короля Лира писали даже в «Петербургском театральном журнале». Зрители сделали фанатское сообщество, и там собирают новости про меня, уж не знаю, зачем, суета это всё. Недавно с успехом прошла премьера «Гамлета», я Клавдий.

ЛЕВ. Браво, браво. И как так получилось, что вы в интермедии?
КОСТЯ (громко). А это надо спросить у директора. (Марие) А, Мария Ивановна, как так получилось? Что звезда у вас в интермедии.
ОЛЯ. И не одна.
АННУШКА. А три.
МАРИЯ. Костя, давай не будем.
ЛЕВ. Наверное, что-то произошло, да, Константин Михайлович?
МАРИЯ. Подождите, товарищи, давайте без этого всего.
ЛЕВ. Нет-нет, Мария Ивановна, мы не можем без этого всего. Скелеты должны быть вытащены и так далее.
КОСТЯ. Может быть, Марии Ивановне неприятно говорить о людях, Мария Ивановна у нас всегда была больше о цифрах, честно говоря, а тут вдруг люди, с ними что-то надо делать...
МАРИЯ. Мы выбрали щадящий режим.
КОСТЯ. Щадящий режим? Чтобы шутом на ёлке? Это щадящий режим для артиста?
МАРИЯ. Ты же на «Гамлете» бросился на бедного Кузнецова и начал его душить, это уголовка, Костя.
КОСТЯ. Это была паническая атака, я же объяснял!
МАРИЯ. Всё понимаю: проблемы в семейной жизни, но...
КОСТЯ. Кузнецов играл Гамлета, и по роли Гамлет мне угрожал, и я как Клавдий вошёл в роль. А дальше случилась паническая атака! (Оле) Оля, скажи им!
МАРИЯ. При чём тут Оля? Ну при чём тут Оля? Олю саму надо лечить!
ОЛЯ. Меня? Меня лечить? Ни фига себе, сказала я себе.
АННУШКА. Вынуждена добавить, да, вынуждена добавить, что мне не дают ролей в этом театре. Я задвинута на задворки, невидима, подверглась забвению, меня как будто похоронили!
МАРИЯ. Аня, ну хоть ты-то не начинай. Лев! Лев Геннадьевич, вы будете проводить репетицию или нет?
ЛЕВ. Вот видите, Мария Ивановна, один ваш приход разрушил всё. Всё искусство, которое мы создали в этом пространстве.
МАРИЯ. Что?
ЛЕВ. Искусство – это нежная вещь, Мария Ивановна. Нежная.
МАРИЯ. Вашу интермедию будет принимать комиссия.

Мария уходит.

ОЛЯ. Зря вы так, Лев Геннадьевич, у неё такой характер, она теперь нас замучает.
ЛЕВ. Её надо ставить на место. Ну что ж, продолжим. Итак, мы остановились на том, что вы, Константин Михайлович, собрались танцевать.
КОСТЯ. Я?
ЛЕВ. Да, вы.
АННУШКА. Извините, Борис, как вас по батюшке?
КРИСТИНА (Аннушке). Он Лев, Лев Геннадьевич.
ЛЕВ. Давайте без батюшки, просто Лев.
АННУШКА. Лев, я тоже танцую.
КОСТЯ. А я нет.
ЛЕВ. Ну как же нет, вы сказали директору вот пять минут назад: «мы тут танцуем». Значит, вы танцуете? Так вы не стесняйтесь, покажите

это. Вы же исполняете роль Деда Мороза, да? Это же сказочный персонаж. И в сказке возможно всё.

ОЛЯ. Давай, Костян, жарь.

КРИСТИНА. Да, будет интересно посмотреть.

КОСТЯ. Что посмотреть?

ЛЕВ. Ваш танец. Всё, что вы хотите сказать, можете изобразить. Даже помогу вам.

Лев включает музыку на телефоне. Костя робко встаёт, делает несколько движений. Останавливается. Лев выключает музыку.

ЛЕВ. Что?

КОСТЯ. Всё.

АННУШКА. Esto brevis - будь краток.

КОСТЯ. Дед Мороз говорит мало. Краткость - сестра таланта.

АННУШКА (*Льву*). У меня тоже есть творческое предложение: если мы заменим дракона на лебедя, то это будет выглядеть так.

Аннушка снова изображает полёт лебедя.

ЛЕВ (*Косте*). А давайте сюда добавим ваши слова. Вот когда Дед Мороз уже появился. Давайте, реплика.

КОСТЯ (*читает*). «Дед Мороз я настоящий, из глухой дремучей чащи, где стоят в сугробах ели, где бураны да метели!»

ЛЕВ. Только надо, знаете, немножко спиной к событию. И теперь соединяем с движением. Импровизируйте. И реплика ещё раз.

Костя странно двигается.

КОСТЯ. «Дед Мороз я настоящий, из глухой дремучей чащи, где стоят в сугробах ели, где бураны да метели!»

ЛЕВ. Отлично. Отлично. Кристина, что скажете?

КРИСТИНА. Мне кажется, немного скованные движения. Может, поискать ещё?

ЛЕВ. Да, ищем ещё. Константин Михайлович, найдите своё место в пространстве.

КОСТЯ. Моё место?

ЛЕВ. Да, там, где вам будет лучше всего.

Костя ходит по комнате и садится на тот стул, на котором и сидел раньше.

КОСТЯ. Вот тут.

ЛЕВ. Консервативненько. А как относитесь к переменам?

КОСТЯ. Ненавижу.

ЛЕВ. Почему?

КОСТЯ. У нас они всегда к худшему. Пробиваем дно, и пробиваем, и пробиваем.

ЛЕВ. Вы устали?

КОСТЯ. Да. Устал.

ЛЕВ. А если бы сейчас оказались в самом лучшем месте на земле, что это было бы?

КОСТЯ. Байкал.

ЛЕВ. И? Что видите?

КОСТЯ. Байкал вижу. Сижу с папой. Рыбачим на омуля или на голомянку, она прозрачная, и свет...

ЛЕВ (*перебивает*). Вы улыбаетесь. Внутри вас свет. Именно в таком состоянии Дед Мороз приходит к детям. И дальше Снегурочка.

КРИСТИНА. «Дедушка, мы тебя заждались».

ЛЕВ. Так, отлично, можно ещё нежнее. И Дед.

КОСТЯ. «Я в овраг провалился по дороге».

ЛЕВ. Не надо так бодро. Вы уже в овраге. Провалился, упал, падайте, падайте.

КОСТЯ. Куда?

ЛЕВ. Овраг вас засасывает. Это как аддикция, как бедность, неизбежность смерти. Сползайте.

Костя сползает со стула на пол.

ЛЕВ. Что вы чувствуете там, на дне этого оврага?

КОСТЯ. Холод. Дует по полу.

ЛЕВ. Нет никакого пола в овраге. Ещё.

КОСТЯ. Темноту. Одиночество. Очень-очень хреново.

ЛЕВ. Какие события вспоминаете?

КОСТЯ. Как ушёл от жены.

ОЛЯ. Она тебя выгнала.

КОСТЯ. Да, выгнала. Трёхкомнатная квартира, одиннадцать кошек и аквариум. Роскошно жил. А теперь совсем один. Рыбки подошли. Кошек она мне не отдала ни одной. Денег нет.

ЛЕВ. Вижу настоящую драму. Давайте последнюю реплику.

КОСТЯ. «Я в овраг провалился по дороге».

ЛЕВ. Отлично, дальше.

КРИСТИНА. «Праздник новогодний начинать пора».

КОСТЯ. «Все желания исполни...»

ЛЕВ. Отчаяние!

КОСТЯ. «Все мечты осуществи! Раз, два, три, Ёлочка, гори!»

ЛЕВ. Вы в этот момент на дне жизни, это ваша молитва, крик о помощи богу, надежда на чудо! Ну?

КОСТЯ. «Все желания исполни, все мечты осуществи! Раз, два, три, Ёлочка, гори!»

ЛЕВ. Пока сыро, но завтра мы этим займёмся плотнее, репетиция закончена.

4.

Гримёрка Оли. Оля и Костя.

ОЛЯ. Все желания исполни, все мечты осуществи! Тьфу, стонал как осёл в брачный период.

КОСТЯ. Ругай меня, ругай, как будто снова с женой.

ОЛЯ. Перед этим придурком столичным. Мотылял хвостом перед ним.

КОСТЯ. Да, да, ещё.

ОЛЯ. На пол завалился, как мешок навоза!

КОСТЯ. Почему сразу навоза?

ОЛЯ. Потому что ты жирный!

Костя смотрит в зеркало. Достает из пакета коробку конфет.

КОСТЯ. Хотел тебе подарить.

Оля берет коробку, читает название.

ОЛЯ. С ума сошёл? Они с коньяком, фу.

Оля выбрасывает конфеты в мусорную корзину.

КОСТЯ. Прости, честно говоря, не увидел.

ОЛЯ. Жирный, и всех тянешь за собой. И ты слабый.

КОСТЯ. Напоминаю тебе, что Митридат 4-й воспитал в себе толерантность к ядам, принимая их ежедневно. Поэтому я, Оля, уже давно на тебя не обижаюсь, честно говоря.

ОЛЯ. Ещё бы обижался на правду! Зла не хватает, готовы мать родную продать, чтобы любому говнорежиссеру понравиться.

КОСТЯ. Мы люди подневольные.

ОЛЯ. В каких бы оковах ты ни был, на цырлы вставать не надо! Душу он ему открыл – одинокий, жена бросила, тьфу, перед левым пацанчиком.

КОСТЯ. Про жену это ты ему рассказала.

ОЛЯ. Думала, опомнишься и замолчишь.

КОСТЯ. А почему сама не спорила с ним?

ОЛЯ. Много чести.

КОСТЯ. Понятно.

ОЛЯ. Я женщина, что с меня возьмешь. А ты?

КОСТЯ. Я нет, вроде.

ОЛЯ. Ты должен был возглавить сопротивление. Ты! Разозлиться, перестать перед кем попало душу открывать! Это же только интермедия, мы что, Чехова репетируем?

КОСТЯ. Музыка его так на меня подействовала, наверное.

ОЛЯ (*передразнивает*). Музыка подействовала. Ты что, на Бобе Марли вырос? Мы тут все на Юрие Лозе воспитаны.

КОСТЯ. Да, мы прокляты. Но мой папа слушал Френка Заппу.

ОЛЯ. Испортил ребёнка. И теперь не можешь противостоять какому-то... сопляку.

КОСТЯ. Я сломлен, Оля. Вообще боюсь за себя, честно говоря. Этот нервный срыв... Зачем накинута на Кузнецова? Так и в дурку... Может, жизнь меня поломала?

ОЛЯ. Все мы, выпучив глазки, ляжем на салазки, Костян. Чего приуныл? Откуда у хлопца испанская грусть?

КОСТЯ. И лошадь устала степями скакать.

ОЛЯ. Отряд не заметил потери бойца.

КОСТЯ. Оля, ты мне настолько близкий человек...

ОЛЯ. Так, харэ, ты чего?

КОСТЯ. Давно хотел сказать – мы два сапога.

ОЛЯ. Костя, ты чё?

КОСТЯ. Две варешки. Два весёлых гуся. Ты, конечно, белый. И пока нас не уволила бабуся... рискнём. Ты одна, я один...

ОЛЯ. И останусь одна и дальше, Костян. Мне вот этого всего не надо.

КОСТЯ. Ну а что плохого, Оль, честно говоря? Общие интересы, всегда будет, что обсуждать.

ОЛЯ. Мы и так... Эй! Полегче!

КОСТЯ. Буду терпимо к твоим недостаткам, к фобии твоей этой.
ОЛЯ. Я только не люблю закрытые двери, это единст..
КОСТЯ. Буду жалеть тебя. А ты меня. Давай к тебе перееду?
ОЛЯ. Ко мне?
КОСТЯ. Ну что я тут в театре живу как бомж? Спасибо, конечно, комнату дали, но это временно.
ОЛЯ. Так, всё, харэ. Обойдёмся без переездов. Кроме того, ты - старый, больной человек.
КОСТЯ. Тебе нравятся молодые?
ОЛЯ. И здоровые, да. А у тебя диабет.
КОСТЯ. Вот почему брак распался.
ОЛЯ. Ой, да она всю жизнь тебе изменяла, так хотя бы честно.
КОСТЯ. Что? Честно?
ОЛЯ. Не знал что ли?
КОСТЯ. Что?
ОЛЯ. Ой, да какая разница теперь, Кость? Вы развелись!
КОСТЯ. Ты знала и не говорила мне? Годами?
ОЛЯ. Кость, ты чё?
КОСТЯ. И это дружба?
ОЛЯ. Кость, ну зачем бы я..
КОСТЯ. А мы каждый Новый год, каждую Пасху её звали. Змея.
ОЛЯ. Костя!
КОСТЯ. Все эти годы старался тебя понять, Оля, но теперь скажу правду, ты..
ОЛЯ. Не надо.
КОСТЯ. Нет, скажу.
ОЛЯ. Костя, зачем оскорблять друг друга?
КОСТЯ. Ты же любишь правду? Так слушай, блин.
ОЛЯ. Не надо, Костя.
КОСТЯ. Надо. Честно говоря, ты.. ты.. ты - алкоголик, Оля!

Костя уходит. Заходит Мария.

МАРИЯ. Что это с ним?
ОЛЯ. Опять паническая атака, наверное. Вы проходите, садитесь, Мария Ивановна.
МАРИЯ. Ой, Оль, что так официально-то.
ОЛЯ. Ну, так положено, вы наша пчеломатка.
МАРИЯ. Ой, да скажешь тоже.
ОЛЯ. Да, да.
МАРИЯ. Оль, как вообще? Держишься?
ОЛЯ. Держусь. Спасибо большое, Мария Ивановна, поверили в меня.
МАРИЯ. Да, снова.
ОЛЯ. Снова.
МАРИЯ. Уже который раз. А именно, четырнадцатый. У меня хорошая память на числа.
ОЛЯ. Ну, да, виновата.
МАРИЯ. Оль, может, тебе всё-таки полечиться, не знаю. Есть же какие-то..
ОЛЯ. Узнавала, они все очень дорогие, и..
МАРИЯ. Может, к психологу, не знаю.
ОЛЯ. Они тоже. *(Жест, изображающий деньги)*
МАРИЯ. Оль, мы тебя вернём в репертуар.

ОЛЯ. Спасибо, Мария Ивановна!

МАРИЯ. При условии, что ты... продержишься. Все новогодние праздники, все ёлки не забухаешь. Это твой испытательный срок, можно сказать.

ОЛЯ. Не подведу. Обещаю. Даже конфеты с коньяком выбросила, вон.

МАРИЯ. И ещё: знаю твой характер сложный...

ОЛЯ. Я? Да уже нет...

МАРИЯ. ...сложный, и...

ОЛЯ. ...было, конечно, времечко, ела кума семечко, но теперь я голубь. Голубь мира.

МАРИЯ. Так вот, голубь. Эта репетиция... Давай будешь слушаться режиссёра и не будешь устраивать ему, ну...

ОЛЯ. Я?

МАРИЯ. ...как ты умеешь.

ОЛЯ. Молчала в тряпочку!

МАРИЯ. Хорошо.

ОЛЯ. Лояльность в квадрате. В кубе. В...

МАРИЯ. А ты что, правда его не... Нет?

ОЛЯ. Что?

МАРИЯ. Лицо никак не...?

ОЛЯ. А?

МАРИЯ. Это же Лёва.

ОЛЯ. Какой?

МАРИЯ. Оль, ты чё? Пропила память всю? Это же мой сын Лёва. Бегал тут с твоим Ванькой, помнишь? Годами. А именно семь лет. У меня хорошая память...

ОЛЯ. Как Лёва? Он что, вырос так?

МАРИЯ. Ну да.

ОЛЯ. Он же в Москве?

МАРИЯ. Ну вот, отучился.

ОЛЯ. На нефтяника? Он же на нефтедобывающий поступил пять лет назад, да?

МАРИЯ. Шесть лет, если быть точными. Позор, да, признаю. Бросил. Я никому не говорила, но... Моя вина, конечно... Как бы Аннушка сказала - миа кульпа.

ОЛЯ. Мама миа.

МАРИЯ. ...заразила театром сына. И вот... Режиссёр.

ОЛЯ. Ну ничего, не расстраивайтесь, может, ещё...

МАРИЯ. ...и ты с ним давай нормально, нам всё равно нужна интермедия, пусть делает. Если он там что-то не то, то ты, Оль, как опытный человек, эээ...

ОЛЯ. Всегда.

МАРИЯ. ...поправляй, но мягко, поняла? У мальчика высокая чувствительность, ну ты помнишь - как он в детстве падал и об пол головой бился, если на него косо как-нибудь...

ОЛЯ. Да, помню, и...

МАРИЯ. Как он однажды обкакался, когда завпост на него цыкнул.

Оля. Помню, да...

МАРИЯ. Если всё нормально...

ОЛЯ. Всё, всё норма...

МАРИЯ. ...премию дам.

ОЛЯ. О-о-о... Спасибо огромное, Мария Ивановна!

Мария делает жест Но пасаран и уходит, закрывая двери, Оля тут же приоткрывает дверь. Оля вынимает из мусорной корзины коробку конфет с коньяком, достает одну конфету. Смотрит на неё.

5.

Фойе. Лев, Оля, Костя, Аннушка, Кристина.

ЛЕВ. Я собрал вас...

ОЛЯ. Чтобы сообщить пренеприятное известие, ха-ха!

ЛЕВ. ...Чтобы мы почувствовали пространство. Спектакль будет здесь.

ОЛЯ (*тихо напевает песню Басты*). Здесь даже солнца не видно, здесь не фиг ловить, но...

ЛЕВ. Поэтому найдите себе место, где...

ОЛЯ (*напевает*). Где же моя темноглазая, где, в Вологде-где-где-где...

ЛЕВ. Ольга, у вас хорошее настроение, да?

ОЛЯ (*на мотив предыдущей песни*). Да-да-да-да-да-да-да.

КОСТЯ. Понятно.

АННУШКА. Оля, держи себя в руках, дорогуша.

ЛЕВ. Ну что ж, начнём. Итак, Кристина. Ю а вэлкам.

КРИСТИНА. «Здравствуйте, ребята. Вы меня узнали? Правильно. Я Снегурочкой зовусь, в танце весело кружусь! Со снежинками играю, с Новым годом поздравляю! Сегодня...»

ЛЕВ. Стоп, стоп. Кристина, что вы сейчас играете?

КРИСТИНА. Не знаю. Скажите, пожалуйста, что?

ОЛЯ. Играешь комсомольский задор!

ЛЕВ. Здесь Снегурочка уже любит.

КРИСТИНА. Любит.

ЛЕВ. Да, она уже любит, даже если не осознаёт.

КРИСТИНА. Понимаю. А кого?

ЛЕВ. Всех, всех в этом фойе. Всех детей нашей планеты. Понимаете? Откройте в себе этот источник. Внутри вас зажигается божественный огонь. Чувствуете?

КРИСТИНА. Чувствую.

ЛЕВ. Вперёд.

КРИСТИНА. «Здравствуйте, ребята. Вы меня узнали? Правильно. Я Снегурочкой зовусь, в танце весело кружусь! Со снежинками играю, с Новым годом поздравляю! Сегодня...»

ЛЕВ. Стоп, стоп. Уже гораздо лучше. Я почувствовал. Все почувствовали?

ОЛЯ. О да! Пригвоздило меня любовью, нахлобучило.

ЛЕВ. А вы, Константин, что думаете?

КОСТЯ. Пока ничего.

ЛЕВ. Окей. Поэзия как будто немного избыточна, чувствуете, Кристина?

КРИСТИНА. А, да.

ЛЕВ. Давайте попробуем произнести одну строфу, а остальное пока заменим хореографией.

КРИСТИНА. «Здравствуйте, ребята. Вы меня узнали? Правильно. Я Снегурочкой зовусь».

Кристина исполняет современную хореографию.

ЛЕВ. Так, отлично, держим это состояние, дальше.

КРИСТИНА. «Сегодня самый волшебный праздник! И самый главный на нём мой дедушка...

ЛЕВ. Ещё теплее.

КРИСТИНА. ...дедушка Мороз. Я пойду его встречу и к вам на праздник приведу».

ЛЕВ. Вот здесь важный момент. Она любит. Она действительно любит этого деда.

ОЛЯ. Дура.

ЛЕВ. ...даже больше, чем всех детей. Любит горячо. Скажи это.

КРИСТИНА. Мне нужен партнер.

ЛЕВ. Константин, давайте.

Кристина обращается к Косте.

КРИСТИНА. «Сегодня самый волшебный праздник! И самый главный на нем мой дедушка, дедушка Мороз. Я пойду его встречу и к вам на праздник приведу».

ЛЕВ. Что вы чувствуете, Константин?

КОСЯ. Мурашки.

ОЛЯ. Мурашки у Чебурашки. Тыфу. Зачем врешь, Костян? Ну что там она может, ну какие мурашки?

КОСЯ. Глухой художник и слепой музыкант поженились, чтобы никогда не обсуждать работу друг друга! А ты постоянно всех обсуждаешь, Оля!

КРИСТИНА. Она токсик. Токсичная. Такие люди ничего не создают, только разрушают.

ОЛЯ. А, да? Да ладно! У тебя от меня травма?

КРИСТИНА. Да, травма.

ОЛЯ. То, что ты называешь травмой, мы называем опытом. Да, Кость?

Костя отворачивается от Оли.

ЛЕВ. Кстати, считаю, ваш монолог, Ольга, нужно урезать.

ОЛЯ. Урезать?

ЛЕВ. Слишком много слов. Мы заменим их образом. По сути вы - олицетворение зла. Вы - монстр из хоррора, огромное чудовище. Возможно, паук. Огромная мерзкая паучиха.

КРИСТИНА. Точно.

ЛЕВ. Вы появитесь на стене и сползёте с неё. Давайте попробуем.

ОЛЯ. Ха! Ну давайте!

Оля играет гипертрофировано, говорит страшным голосом.

ОЛЯ. «Я Злюка, ля-ля-ля-ля. Ни с кем я не вожуся, не с кем я не дружуся, люблю одну себя, ля-ля-ля!» Так?

АННУШКА. Кошмар. Давайте лучше я попробую эту роль?

ЛЕВ. Ольга, а вам было когда-то страшно?

ОЛЯ. Мне? Нет, никогда.

ЛЕВ. Никогда?

ОЛЯ. Никогда.

ЛЕВ. Ну вы же врете?

ОЛЯ. Да. Я вру. Честно говорю.

ЛЕВ. Итак, вам страшно. Вы стареете.

ОЛЯ. Ну, этим не напугаете.

ЛЕВ. Ваши плохие привычки захватывают вас всё больше и больше.

ОЛЯ. Ха-ха!

КОСТЯ. Это правда, Оля.

ЛЕВ. Вы как муха в паутине. Работа - тюрьма. Стареющих артисток не ждут ни в каком театре.

ОЛЯ. Точно.

ЛЕВ. Успехи скромные, славы нет, денег нет. И не будет уже славы, и денег не будет. В стране денег всё меньше. Вас никто не любит из-за вашего характера, вас терпят. Вы - заноза в заднице. Вы токсик, сплетница, ненадёжный друг. Ненадёжная артистка, которая может уйти в запой. Вас могут уволить, и тогда эти, сколько там их, двадцать тысяч рублей исчезнут, и не на что будет снимать угол. А между тем, сердце, давление, угроза рака, куча других болячек.

ОЛЯ. Варикоз.

ЛЕВ. Варикоз. Любви нет, секса нет годами.

АННУШКА. Боже мой.

ЛЕВ. Впереди нищета, бездомность, психо-неврологический диспансер, голод, манная каша с комками. Закрытые комнаты.

ОЛЯ. Не надо.

ЛЕВ. Родной сын...

ОЛЯ. Не надо.

ЛЕВ. Родной сын.

ОЛЯ. Не надо, сказала!

ЛЕВ. А между тем, родной сын...

ОЛЯ. Ты, сопляк, свою бухгалтершу-мамашу пытай, иди, пытай, она любит. А со мной не надо!

АННУШКА. Какую мамашу?

ОЛЯ. Ань, да это же сынок нашей Машки, бегал тут, между ногами путался. И вот - здрате! Шел по улице Никита, на него народ глазел, потому что у Никиты на хую орёл сидел.

ЛЕВ. Вот теперь, вот именно сейчас вижу настоящий страх в твоих глазах, Оля. Вот то самое состояние, которое тебе нужно для роли.

ОЛЯ. Да иди ты знаешь куда?

Оля убегает.

АННУШКА. А я не помню никакого мальчика. (Льву) Вы бегали тут, среди нас?

ЛЕВ. Да, бегал. Хотел сохранить маленькую тайну, но спектакль...спекталь, как говорил Мастер, он... Он меняет твои планы и твою жизнь. То, что я хотел рассказать про сына Оли...

КОСТЯ. Да мы знаем все про это, честно говоря. Про Ваньку. Он не разговаривает с матерью.

АННУШКА. Не разговаривает? Не знала.

КОСТЯ. Ань, ты знала. Просто забыла.

АННУШКА. Да не забываю я такие вещи!

КРИСТИНА. Тоже не знала.

ЛЕВ. Будет нечестно, если только Оля... У меня тоже есть такое, ну, подобная проблема с матерью. И-и-и-и... мы не решили её. Есть непонимание. Есть её попытки сделать из меня идеальный инструмент. Для зарабатывания денег, наверное. И есть моё нежелание быть им. Условно, она хочет, чтобы я был насосом, а я скрипка.

КРИСТИНА. Так откликается во мне.

ЛЕВ. Не хочу быть каким-то таким, знаете, авторитарным режиссёром. Я за горизонтальный театр. Ну и... открываюсь вам. Я тоже уязвимый человек, много проблем. И мало любви, всё время мало любви. Давайте сделаем этот спектакль про любовь. Её всем не хватает. Особенно зрителям. Давайте наш спектакль сделает чуть больше любви в этом мире. Перерыв на обед.

6.

Крыльцо служебного входа, Лев и Кристина.

ЛЕВ. О, все звёзды тут. Думал, обедаете.

КРИСТИНА. Да, я как-то...

ЛЕВ. Нет аппетита, да, театр...

КРИСТИНА. ...питает, да, и...

ЛЕВ. ...и неважно другое...

КРИСТИНА. ...неважно, я...

ЛЕВ. ...я тоже бросил, и...

КРИСТИНА. ...и хочу, и вот...

ЛЕВ. ...да, и я, но...

КРИСТИНА. ...но всё это такое, ну...

ЛЕВ. ...эмоции, эмоции и...

КРИСТИНА. ...и снова тянет к сигарете, а...

ЛЕВ. ...аналогично. Зэ сейм. Но...

КРИСТИНА. ...надо, конечно, бросить, ведь...

ЛЕВ. ...вредно.

КРИСТИНА. Вредно. Вы сказали, что нам всем не хватает любви, и...

ЛЕВ. ...так чувствую, по большому счёту...

КРИСТИНА. ...те же ощущения, не могу выразить словами, но...

ЛЕВ. ...разве мы все не стремимся...

КРИСТИНА. ...к ней всем существом, и...

ЛЕВ. ...именно, именно, всем существом, у меня...

КРИСТИНА. У меня мама приготовила борщ. И это тут рядом.

ЛЕВ. Борщ?

КРИСТИНА. Можем вместе пообедать. Мама приглашает.

ЛЕВ. Мама?

КРИСТИНА. Мы быстро, за час успеем.

7.

Фойе, Костя и Аннушка.

КОСТЯ. Ну что, все звёзды тут, вижу. Где остальные?

АННУШКА. Может, забыли?

КОСТЯ. Ну мы-то не забыли с вами. Вы как, Анна Константиновна?

АННУШКА. Уж не такая у нас разница в возрасте, чтобы по отчеству, Боря.

КОСТЯ. Костя.

АННУШКА. О, миль пардон, всегда путаю эти имена.

КОСТЯ. Ничего страшного. Ну мне приятно, это ж так звучит красиво: Анна Константиновна. Анна Константиновна. Как кружевной воротничок. Как вальс Шопена. Как марципан.

АННУШКА. Ой, Костя, скажешь тоже – марципан! ... Да, и так меня называли. Когда училась в Москве, в школе-студии, и мой мастер, царство небесное, говорил: Аннушка у нас словно из прошлой жизни, словно марципан! И потом так и приклеилось: марципан, марципан. Спасибо тебе, напомнил.

КОСТЯ. Это вы мне, Анна Константиновна, напоминаете меня самого. В молодости. Также хотел играть всё, работать, творить, а сейчас... только крупные роли хочу.

АННУШКА. Никогда не говори «а сейчас». Живи как будто всё только начинается.

КОСТЯ. Начинается? Вот это оптимизм. Откуда силы только берёте?

АННУШКА. Тут в «Пятёрочке» подошла ко мне женщина, и рассыпалась в благодарностях. Мол, благодарю за ваши роли, они мне помогали жить, когда была старшеклассницей.

КОСТЯ. Вы звезда.

АННУШКА. Да какая там звезда, умоляю тебя, дорогуша. Городишко дрянной, народу только пошлые комедии подавай. На Ибсена не хотят ходить. Такой спектакль сняли, эх. Ну что же, aurum nostrum non est aurum vulgi. Наше золото не золото толпы.

КОСТЯ. Так ведь, Анна Константиновна, вы же там сколько отпахали на этом Ибсене! И главную роль. Героиня-то ваша уже вам во внучки, при всём уважении. Вот и сняли – из уважения к вам. Не стали вводить молодую.

АННУШКА. Я категорически не согласна, прости. Категорически не согласна. Моей героине года только на пользу, сразу всё приобретает необычайную, даже чрезвычайную глубину. Но не будем об этом. Мы об этой женщине из «Пятёрочки». Говорю ей: вам потому мои роли жить помогали, что я дарила энергию, свою чистую яркую энергию. Энергию начала!

КОСТЯ. Начала. У меня она начала с двадцати утекать куда-то. А сейчас... по дороге разочарований. И меркнет свет, и молкнут звуки...

АННУШКА. И беседа с ней мне напомнила об этом – что я должна снова обновиться. Понимаешь?

КОСТЯ. Понимаю.

АННУШКА. Memento vivere – помни о жизни! И снова прийти на старт, начать всё с начала. И судьба дарит мне этот шанс. Вместе с этой молодой актрисой... Как её зовут, кстати? она не представилась.

КОСТЯ. Кристина?

АННУШКА. Да, Кристина, вместе с ней мне снова дали возможность начать. Начать с малого, но боже милосердный! Я благодарна за этот шанс.

КОСТЯ. Вот как у вас получается?

АННУШКА. И сейчас в беседе с тобой поняла, что должна играть... другую роль.

КОСТЯ. Какую?

АННУШКА. Пока не решила.

КОСТЯ. Но мы же уже распределены.

АННУШКА. Мы только начали. Всё можно изменить.

КОСТЯ. И режиссер согласится?

АННУШКА. Куда денется. Я – звезда этого города, меня в «Пятёрочке» узнают.

КОСТЯ. Окей. Уже на час опаздывают все. А Оля... Как вы считаете, зря он так с Олей? Жёстко, честно говоря. Зачем? Может, надо было заступиться?

АННУШКА. «Сегодня самый волшебный, самый долгожданный праздник!»

КОСТЯ. Какой?

АННУШКА. «И самый главный на нем мой дедушка».

КОСТЯ. Ваш дедушка? А сколько ему?

АННУШКА. «Дедушка Мороз».

КОСТЯ. А! Сразу не понял.

Заходит Оля в каком-то плаще.

ОЛЯ. Салют.

АННУШКА. «Я пойду его встречу и к вам на праздник приведу».

Аннушка уходит.

ОЛЯ. Куда это она?

КОСТЯ. Как ты, Оль?

ОЛЯ. Нормально.

КОСТЯ. Нормально?

ОЛЯ. Нормально. В фойе – лучше, открытое пространство.

КОСТЯ. Он не прав. Так нельзя с нами. Ну что молчишь?

ОЛЯ. Пришла репетировать. Где остальные?

КОСТЯ. Ты пьяная, что ли?

ОЛЯ. Костян, ты чё? Я трезвая, пришла работать. Где, говорю, все?

КОСТЯ. Кто? Все звёзды тут.

ОЛЯ. Выучила роль, могу уже без распечатки. Ты повторил?

КОСТЯ. Оль, ты чё?

ОЛЯ. Что?

КОСТЯ. Выучила роль?

ОЛЯ. Не надо было?

КОСТЯ. Да не, правильно. Конечно. Оль, ты как?

ОЛЯ. Знаешь, подумала: тебе крупно повезло, Костян, что она тебя бросила.

КОСТЯ. В каком смысле?

ОЛЯ. Очнёшься, проснёшься. Узнаешь себя. Оп! и новая жизнь!

КОСТЯ. Да что вы все заладили: новая жизнь, новая жизнь. Я и не сплю, чтобы мне просыпаться, с чего ты взяла-то? Живу настоящей жизнью здесь в театре, жизнью духа, дышу духами, и этими, как их...

ОЛЯ. Дезодорантами.

КОСТЯ. Поэзию Блока не знаешь! И пофиг, что там происходит снаружи, пофиг, какие тираны, какие деспоты. Мы тут. Это они там суетятся. Это рыбы за зеленым пятнышком, туда-сюда, туда-сюда, если указку лазерную навести, они побегут. Поэтому они плывут к медузам, понимаешь? Потому что у медуз пятна такие же, флуоресцентные пятна на ножках. И медузы этих рыб тупых ловят и сжирают, Оля! Сжирают!

ОЛЯ. Человек человеку...

КОСТЯ. Человек человеку бревно. И я не бегаю! Сажу в своей башне из слоновой кости, честно говоря, занимаюсь искусством. У меня всё хорошо. Мне всё нравится. И в театре жить нравится! Матрас нормальный! Атмосфера правильная! В душе флора в виде плесени, в кухне фауна в виде тараканов, что ещё надо?

Заходят Лев и Кристина.

ЛЕВ. О, вижу все звёзды тут, извините за опоздание, в кафе задержали. Ну что ж, продолжим, да? А где у нас Дракон?

КРИСТИНА. Ха-ха, дракон! Надо так Аннушку и прозвать.

КОСТЯ. Анна Константиновна у нас, хоть и не получила народную артистку, по какому-то чудовищному недоразумению, но вообще-то является легендой этого города. Её любит народ. И в «Пятёрочке» узнаёт.

ЛЕВ. Да, да, конечно, помню Анну Константиновну с детства, и конечно же, уважаю её очень, поклоняюсь, и если вам показалось...

КОСТЯ. И совершенно напрасно ей не дают ролей, не такая уж у неё плохая память, она столько латыни знает, и прекрасно сейчас наизусть рассказала текст. Не заслужила, чтобы вот так вот в фойе, да с крошечной ролью возится. Подчиняясь требованиям...

ЛЕВ. Жалкого режиссёра, да?

КОСТЯ. Это не мои слова.

ОЛЯ. Может, начнём уже работать?

ЛЕВ. Очень рад вас видеть, Ольга. Совершенно искренне говорю сейчас.

ОЛЯ. Аналогично. Давайте начнём.

ЛЕВ. И рад, что мы прошли через... это всё. Да, отличное предложение, давайте начнём. Кристина.

Кристина выходит вперёд.

КРИСТИНА. «Здравствуйте, ребята. Вы меня узнали? Правильно. Я Снегурочкой зовусь».

Кристина исполняет хореографический номер.

ЛЕВ. Это прекрасно. Прекрасно. А можешь дольше, Кристин?

Кристина снова исполняет танец.

ЛЕВ. Прекрасно. Бёдрами побольше. Повернись теперь, так, отлично, амплитуду увеличиваем. Супер! Ещё, нежнее теперь, замри - и-и-и-и... Супер! Спасибо, Кристин. Подождём монолог Зюки, и дадим побольше тебе танца.

КРИСТИНА. А музыка какая будет?

ЛЕВ. Ещё не решил, позже.

КРИСТИНА. Не надо искать, я уже выбрала.

ЛЕВ. Ольга, выходите.

Оля выходит и снимает плащ - под ним страшный костюм паука. Оля шипит - видно зубы вампира, запрыгивает на подоконник.

ОЛЯ (*шипящим голосом*). «Я Зюка, ля-ля-ля-ля. Ни с кем я не вожуся, ни с кем я не дружуся, люблю одну себя, ля-ля-ля. Ну что это такое? Безобразие! Ни одной приличной лужи не осталось, ни одной канавы с грязью. Дед Мороз всё заморозил, подлец».

ЛЕВ. Так, стоп!

КОСТЯ. А вы уверены, что дети, простите, не обкакаются от страха?

ЛЕВ. Что самое страшное в театре? Скука. А здесь не скучно.
ОЛЯ. Мне продолжать?
ЛЕВ. Думаю. Думаю, может, это высказывание уже самодостаточно?
ОЛЯ. Хорошо.

Оля послушно садится на стул.

ЛЕВ. Идём дальше. Снегурочка...

КОСТЯ. То есть вы хотите выбросить весь интерактив с детьми? Это же самое интересное! Злюка в диалоге с детьми, и они отвечают, они... Вы же самое хорошее, честно говоря, хотите убрать.

ЛЕВ. Послушайте, ни в коем случае не хочу убрать самое хорошее. Но Злюка уже высказалась, слишком много зла нам не нужно, мы его должны уравновесить добром.

КОСТЯ. Оля, и ты сдалась? Не борешься за свою роль? А что говорила мне про сопротивление?

ЛЕВ. Благодарен вам, Ольга, за то, что... что мы прошли через это всё, и теперь вы настроены на работу. Константин, можно продолжим? Мы вам не мешаем?

КОСТЯ. Не помнимаю...

ЛЕВ. Очень жаль! А теперь сядьте и помолчите. (Кристине) Пожалуйста, Снегурочка.

Выходит Кристина.

КРИСТИНА. «Ребята, а Дед Мороз еще не приходил?»

Входит Аннушка в костюме Снегурочки.

АННУШКА. «Ребята, а Дед Мороз еще не приходил? Ой, смотрите, а мешок его уже здесь! Надо начинать подарки дарить!»

Вытаскивает куклу деда мороза.

АННУШКА. «Дедушка? Что с тобой? Кто тебя так? Ребята, кто заколдовал Деда Мороза?»

ЛЕВ. Как вы быстро запомнили текст, Анна. Браво.

АННУШКА. Мерси!

ЛЕВ. Ну а теперь присядьте, и когда Дракону прилетать, прилетите. Свои слова вы тоже запомнили?

АННУШКА. А это и есть мои слова. Я Снегурочка.

ЛЕВ. Снегурочка у нас Кристина, хотите вторым составом что ли?

АННУШКА. Смешно про второй состав. Мы же репетируем интермедию, зачем тут второй состав?

ЛЕВ. Ну да. А вы дракон.

АННУШКА. А сейчас не смешно, товарищ режиссёр. Вы же дали мне эту роль, я всё выучила, отрепетировала, и теперь замена? Понимаю, молодым везде у нас дорога, но не по головам же заслуженных! Majori sede - уступай старшему. Нет, роль изначально дали мне, и я не намерена её отдавать. Извольте репетировать дальше.

ЛЕВ. Анна Константиновна... Вы что-то перепутали, наверное.

АННУШКА. Ну уж не распределение ролей точно.

ЛЕВ. Снегурочку играет Кристина. А вы - Дракона.

КРИСТИНА. Анна Константиновна, память подвела, и...

АННУШКА. И ничего не подвела! И никого! Ничего и никого. Давайте двигаться дальше. У меня диалог со зрителями. Оля!

ОЛЯ. «Мешок отдай».

АННУШКА. «Немедленно расколдуй Деда Мороза»!

ОЛЯ. «И не подумаю».

АННУШКА. «Ну тогда мы его сами расколдуем, да, дети? Мой дедушка очень любит новогодние песни. Давайте споём!»

ЛЕВ. Так, ну всё, хватит. Уходите, Анна. Сядьте на стул. Что за клоунада?

КОСТЯ. Клоунада?

ЛЕВ. Я тут не клоун!

Аннушка подходит ко Льву.

АННУШКА. Ты не клоун, ты артист, папа. Да, ты артист.

ЛЕВ. Что за...

АННУШКА. Это я, пап, Аннушка, твоя дочка, ты что, не узнал?

КРИСТИНА. Как не стыдно?

Лев пьет воду из бутылки.

АННУШКА. Не надо, папа.

ЛЕВ. Что?

АННУШКА. Папочка, не пей, не надо пить!

КРИСТИНА. Что происходит?

АННУШКА. Тебя выгонят из цирка, пап. Они и так тебе не дают работу. Не дают выступать. Всё короче и короче номера. Да, конечно, уже старый. Такие морщины. Но ещё и водка. Да, пап, алкоголь. *Sustine et abstine* – терпи и воздерживайся, ты же сам нас учил, пап. Ты же сам говорил: *vindica te tibi* – отвокой себя для себя самого. Вот и мы просим – отвокой! И попроси прощения у мамы, так больно ударил. У неё синяки, пап. Нам с Андрюшей так жалко её, и даже Пушок лизал ладошку. Потом дневник ей показала, она улыбнулась. У меня там одни пятерки, пап. И ещё меня отправят на конкурс чтецов, я же лучше всех декламирую, пап. Правильно же: де-кла-ми-рую, да? Они говорят: вели-ко-леп-но. Они говорят: будет артисткой. А я говорю: как мой папа. Я как ты, похожа на тебя. И у меня самая лучшая память, я им рассказываю твои выражения на латыни, и они так удивляются! Они знают только *memento mori*, потому что это из фильма, а больше ничего. Нет, папа, тебе ещё рано думать о смерти. Ты у нас такой молодой ещё, пап, просто усталый. Да, усталый и грустный. Все говорят: тебе повезло, твой папа клоун, у вас весело. А я говорю: да, у нас весело. Ничего не рассказываю, пап. *Audi, vide, sile* – слушай, смотри и молчи. *Sustine et abstine* – терпи и воздерживайся. И ничего про твои вспышки, так мама их называет – вспышки. Ударил головой об раковину, она заклеила пластырем. Кружится у неё голова, она сама говорит. Зачем? Ты же добрый. Вижу по глазам – самый-самый добрый папочка в мире! Помнишь, кошку спас? Собаки напали. Серая такая пушистая, на улице, и напали. И ты сказал: *da dextram misero* – подай руку помощи несчастному. Помнишь, пап?

ЛЕВ. Не помню.

АННУШКА. Ой. Я, кажется... Голова сегодня... Что-то не то сказала, да? Почему вы так смотрите все? Оля, давай следующую реплику.

ОЛЯ. «Ха-ха-ха! Ну что? Не получилось? Эх ты. Как тебя зовут-то?»

АННУШКА. «Снегурочка».

ОЛЯ. «Как? Дурочка? Курочка?»

АННУШКА. Вы знаете, я что-то плохо себя чувствую нынче, мне нужно выйти.

Аннушка уходит.

ЛЕВ. Что это сейчас было?

КОСТЯ. Мне кажется, роль Снегурочке нужно отдать ей.

ЛЕВ. Кому?

КОСТЯ. Аннушке.

КРИСТИНА. В смысле?

КОСТЯ (*Кристине*). Как там на латыни – подай руку помощи несчастному. Ты ещё наиграешься, Кристин, а для неё это...

КРИСТИНА. В смысле наиграюсь? Мы тут не в песочнице. Мне все роли важны и нужны, не собираюсь тут благотворительностью... (*Льву*) Скажи им!

ОЛЯ. Какой прекрасный дракон! Нет, правда, Кристин, из тебя выйдет отличный дракон. Или, хочешь, мою роль – Зюка тоже норм!

ЛЕВ. Так, давайте немного остынем. Конечно, ролями меняться не будем – у каждого есть своя отличная, и...

КОСТЯ. А мне надоело быть Дедом Морозом.

ЛЕВ. Что вы имеете в виду?

КОСТЯ. Надоело. Надоело быть добрым дедом. Баста. Всё. Крошечная роль эта дебилная – вышел: детки, детки, вот подарочки! И ради этого здесь ошиваюсь? Терплю это ваше... это тут? Как там на латыни: слушай, смотри и молчи. Так и я. А вы не можете помочь заслуженной артистке, протянуть руку ей, дать эту роль маленькую.

ЛЕВ. Но... Слушайте, перестаньте, пожалуйста, быть токсичным! Я режиссер, и отвечаю за структуру. И вы будете играть свои роли.

ОЛЯ. А как же горизонтальный театр?

ЛЕВ. Я режиссёр, и я...

Костя подходит ко Льву и толкает его стул, Лев падает.

КОСТЯ (*Льву*). Ты – злая сопля, вот ты кто.

Костя уходит.

8.

Кабинет директора. Мария и Оля.

ОЛЯ. Я пришла, Мария Ивановна...

МАРИЯ. Да что всё Ивановна да Ивановна, мы же на «ты» всегда были, Оля.

ОЛЯ. Это когда вы просто бухгалтером у нас, а теперь вы директор, и пора привыкнуть уже за столько лет.

МАРИЯ. Четыре с половиной года, будем точными. Несу эту ношу. Так чего ты пришла?

ОЛЯ. Если нет собаки, то идёшь на охоту с кошкой. Подумала: молодость прошла, ролей всё меньше..

МАРИЯ. Ну, это..

ОЛЯ. Знаю-знаю, моя вина и всё такое, признаю. Но что впереди? А ведь могла бы поучиться на режиссёра.

МАРИЯ. Ты?

ОЛЯ. Да, вы же всегда говорили, что я мыслю как режиссер, и интермедии всегда ставила. До этого года. И чувствую, есть призвание это во мне. Есть! Опыт, знания подкопились за годы, и я могла бы на заочном, если бы вы поддержали как директор, и если..

МАРИЯ. Оля, тебе сорок пять?

ОЛЯ. Да.

МАРИЯ. Видишь, какая память у меня хорошая. Так вот, тебе сорок пять. А театру нужна свежая кровь, молодые режиссёры. Зачем занимать чье-то место?

ОЛЯ. Но что мне делать дальше?

МАРИЯ. Хобби найти. Мужика какого-нибудь. Там и внуки. Собачку заведи, кошечку, канарейку. Оля, дорогая, вы тут все дураки. Вы тут все жизнь свою заменили театром. И меня туда же втягиваете. Но, слава богу, числа меня держат на поверхности. А вы – ну посмотри, вы же тут живёте! У вас же ни друзей, ни интересов, ни хобби. Вы же тут приросли к этому театру, вы тени этих коридоров и залов. Тени забытых предков! Оля, очнись, не надо себя театру скармливать. И так обглодал он тебя. Он у тебя и сына отнял, из-за того, что ты вечно репетируешь-репетируешь-репетируешь. Беги, Оля, беги из театра!

ОЛЯ. Но..

МАРИЯ. Всё, сказала, забудь. Сменим тему. Как у вас репетиции?

ОЛЯ. Очень хорошо, ищем, находим.

МАРИЯ. Отлично, отлично, что находите. Моего мальчика не опалешь своим огненным сарказмом, надеюсь?

ОЛЯ. Нет, у мальчика целы все перья, он их регулярно демонстрирует.

МАРИЯ. Это сейчас не сарказм?

ОЛЯ. Ну какой там.. Всё хорошо у нас, работаем, правда, Костя сегодня отпросился пораньше, со здоровьем у него, и у Аннушки давление, кажется.

МАРИЯ. Эх, Аннушка.. Не знаю даже, что делать с ней, ну, будем терпеть.

ОЛЯ. Мы тут все друг друга терпим.

МАРИЯ. Всё хочу спросить: как там твой мальчик, твой Ванька?

ОЛЯ. Не знаю.

МАРИЯ. Ему двадцать четыре?

ОЛЯ. Двадцать пять.

МАРИЯ. И?

ОЛЯ. Что?

МАРИЯ. И как он?

ОЛЯ. Ну откуда мне знать? Не пишет, не звонит, даже с днём рождения не поздравляет уже года четыре. Номер сменил. И не знаю, где он.

МАРИЯ. Укатают сивку крутые горки, вернётся.

ОЛЯ. Не знаю.

МАРИЯ. Ну а чё не отвечает, не пишет-то? Ты не рассказала.

ОЛЯ. Не знаю.

МАРИЯ. Ну как не знаешь? Что случилось-то?

ОЛЯ. Ничего не случилось.

МАРИЯ. Ну как ничего, поссорились что ли?

ОЛЯ. Нет, не ссорились. Не знаю.

МАРИЯ. Эх, пацаны-пацаны. Вот и мой, боюсь, пропадёт. Даже квартиру снял, у меня не остановился. Хочу его к нам режиссёром, а через несколько лет худруком, бог даст. Говорю по секрету.

ОЛЯ. А, понятно теперь.

МАРИЯ. Он пока наберётся опыта. А ты как сама-то? Держишься?

ОЛЯ. Вы про... Ну да, договорились же. Держусь. Другая проблема – денег нет. Вот, хотела, насчет аванса...

МАРИЯ. Оль, нет, никаких, вот сначала все ёлки, а потом уже. А то помню, как в прошлом году, нет-нет, не проси даже.

Издаലെка слышно музыку.

ОЛЯ. Да просто еды купить.

МАРИЯ. Знаю я твою еду, Оль. Работать надо. Рано праздновать.

В кабинет врывается Костя – он держит бумбокс, из которого льется задорная танцевальная музыка. Костя одет как на карнавале в Рио-да-Жанейро, полуголый, в перьях, пьяный. Костя танцует.

ОЛЯ. А кто-то уже празднует.

МАРИЯ. Зачем эта сатанятина, Костя?

КОСТЯ. Противотивоядие от ваших новогодних ёлок, Мария Ивановна. Это – карнавал в Рио-де-Жанейро! Там нет наших проблем, там люди веселятся, понимаете? Счастливые, прыгают, жопками трясут! И я больше не буду играть ваших дедов морозов и прочее серьёзное, всё, баста!

МАРИЯ. Комнату при театре дала не для такого вот поведения! Так будешь вести – выселю, и живи на улице!

КОСТЯ. И буду. На пляже. В Бразилии. Тоже мне, царский подарок. Вы тут в театре тараканов не травите!

МАРИЯ. Что?

КОСТЯ. Тараканов не травите! И туалеты у вас вонючие!

МАРИЯ. У вас? Ты уже отдельно?

КОСТЯ. Я в Рио укатил.

МАРИЯ. Ты выпимши что ли? Не пойму.

КОСТЯ. Маш, хватит, это, занудствовать, давай подвигаемся.

МАРИЯ. Что? Это вы сейчас серьёзно, Константин Михайлович?

КОСТЯ. Максимально, Мария Ивановна, максимально. Не видно что ли?

Оль, а ты? Присоединяйтесь, барон!

ОЛЯ. Спасибо, не в настроении.

МАРИЯ (Оле). Вы как-то поменялись пороками. Он твой алкоголизм взял, а ты, получается, теперь будешь душить коллег?

ОЛЯ. Я постараюсь не душить, но очень хочется, конечно.

Оля идёт к выходу.

МАРИЯ. Так, Константин Михайлович, кончайте маскарад и давайте на выход.

КОСТЯ. Оль, ты куда, нет, стой, стой!

Костя поворачивает ключ в скважине и прячет его у себя в трусах.

ОЛЯ. Ты чё, гонишь что ли?

МАРИЯ. Да выключи уже этот бум-бум!

Оля выключает.

КОСТЯ. Вы такие скучные, девочки.

МАРИЯ. Костя, что с тобой, родной мой? Первый раз таким тебя вижу. Это что, развод повлиял?

КОСТЯ. А давайте, стихи почитаю, раз танцевать не хотите.

ОЛЯ. Ключи отдай.

МАРИЯ. Костя, ты, это, тебе бы к доктору всё-таки.

ОЛЯ. Ключи дай.

МАРИЯ. К доктору.

КОСТЯ. Автор – поэт Родионов. Мой папа, мой бедный папа, / Ты помнишь Олимпиаду? / И музыку Френка Заппы, / И автомат с лимонадом? / А я помню только стену / С ободранными обоями, / Но время, жестокое время / Посмеялось над нами обоими.

ОЛЯ. Ключи вернул.

МАРИЯ. Костя, ну тебе если надо, давай сделаем поэтический вечер. Выучишь Пушкина, не знаю, кто там, Маяковский, хотя нет, это слишком смело в наше время, лучше Державин, или тексты песен Газманова возьмём. Что он там пел раньше, «мои мысли мои скакуны». Малая сцена, школьники, галстук.

КОСТЯ. В жопу галстук. Только перья!

МАРИЯ. О боги-аллахи.

КОСТЯ. Ненавижу школьников. Детей терпеть не могу.

МАРИЯ. Тогда к доктору, однозначно.

ОЛЯ. Быстро ключи отдал! А то дверь выбью!

МАРИЯ. Не надо тут дверь ломать, Ольга Леонидовна! Что происходит вообще? А ну вышли оба из кабинета!

ОЛЯ. Как? Он не отдает ключи!

КОСТЯ. Отдам, если скажешь, почему боишься закрытых дверей.

ОЛЯ. Не твоё дело!

КОСТЯ. Моё. Хватит прятаться.

ОЛЯ. Отстань!

МАРИЯ. Костя! Оля!

КОСТЯ. Или достань их сама.

ОЛЯ. Что?

КОСТЯ. Достань сама?

ОЛЯ. Что? Чтобы я прикасалась к **этому**? Ты совсем офигел? Ты чё, гонишь что ли?

КОСТЯ. Нет, Оля, не гоню. А чё ты так боишься? Расскажи! Расскажи всё! Откройся, Оль!

Оля плачет.

МАРИЯ. Да выпусти её, Костя!

КОСТЯ. Я говорил вам каждый год, что поеду к папе на Байкал? Говорил? А папа умер.

МАРИЯ. Как умер?

КОСТЯ. Да, умер пять лет назад. А я? А я не поехал на похороны. Да. Испугался. Стало страшно, честно. Придумал, что папа живой. Мы же в

театре, мы всё можем, это, вообразить всё можем. Он живой. Живёт на Байкале. А значит, я не следующий. А значит, не так страшно. Даже могилу не видел. Думаете, не знал, что жена мне всю жизнь изменяет? Конечно, знал. Оля, да, знал. Она меня на дачу отправляла в такие дни. Всё знал, всё. Но... не хотел знать, честно говоря. У меня же театр! А дома санаторий: рыбки, кошки, трехкомнатная. Роскошно жил, сука. И не знал как будто. Но ты права, Оля. Слава богу, она меня бросила.

Костя достаёт ключ, открывает дверь. Оля выбегает. Костя подходит к Марии и целует её врасос.

9.

Фойе. Лев, Кристина, Аннушка, Оля.

ЛЕВ. Последние сутки много думал. И понял одну вещь. Я – плохой режиссёр. Профнепригодный. Эмпатия равна нулю. Не понял что-то очень важное про вас.

КРИСТИНА. Неправда.

ЛЕВ. Правда, Кристина. Ты просто сейчас смотришь на меня субъективно. Это не критический взгляд.

АННУШКА. Борис...

ЛЕВ. Лев.

АННУШКА. Простите, Лев. Хотела попросить прощение за своё поведение на вчерашней репетиции. Помрачение. Наверное, из-за падения атмосферного давления.

ЛЕВ. Вам не за что извиняться, Анна Константиновна. Совершенно не за что. Вы – легенда, знал ещё в детстве. И я недостоин быть вашим режиссёром. Вот и Константин это понял. И ушёл.

КРИСТИНА. А где он, кстати?

АННУШКА. Да, где Костя? Оля, позвони ему, он же тут где-то живёт, в театре.

ОЛЯ. Не могу, нет денег на телефоне.

ЛЕВ. И правильно сделал, что не пришёл. И толкнул меня правильно.

КРИСТИНА. Но, мы... мы же продолжим? Репетировать.

ЛЕВ. Я не имею права это решать. Доверие ещё нужно заслужить. Если скажете – уйду. Сложу полномочия.

КРИСТИНА. Как это? Нет, нет, как это? Мы должны сделать интермедию же.

АННУШКА. Конечно, нужно продолжать. Минутная слабость, *experto credite* – верьте опытному. У меня тоже вчера была она. Товарищ режиссёр, мы, безусловно, верим в вас и доверяю вам. Безусловно.

ЛЕВ. Но я заявил о принципах, а сам... Говорил о горизонтальном театре, и... Простите меня, коллеги. Ольга, вы сегодня молчите? Чувствую такую волну... волну гнева. Вас что-то раздражает?

ОЛЯ. Да, многое.

ЛЕВ. Поделитесь, пожалуйста.

ОЛЯ. Зачем?

ЛЕВ. Ну, чтобы мы высказали всё, и начали работать.

ОЛЯ. Не нужно, Лев, не бередите душу. Мы – люди подневольные, нам что? Пришёл – репетируй, слушай режиссёра. Давайте работать уже, чё зря сотрясать.

ЛЕВ. Люди подневольные? Так а что вас бесит, не понял?

ОЛЯ. Послушайте, Лев, меня всё бесит, всё! Сегодня на завтрак у меня была пшёнка. Чё я голубь что ли? Пшёнка на воде. Ненавижу пшёнку, особенно на воде. Над горою високою голуби літают: я роскоши не зазнала, а літа минают. Бабуся пела мне. Всё, что вы сказали на первой репетиции - абсолютная правда. Впереди нищета, забвение уже наступило, я бездарна, и нет надежды. Всё так, именно так.

АННУШКА. Оля, пожалуйста...

ОЛЯ. Ненавижу режиссёров. Почти всех, особенно этих, столичных, с амбициями. Богатых. Ненавижу. Кроссовочки, шапочки модные яркие, худи сраные эти все. А ты служи, удовлетворяй, будь пластилином в его руках. А эти руки тебя бросают на обочину так легко! Много пластилина в коробке, лепи - не хочу. Знаете что? Я, наверное, уже непригодна для театра. И мне, наверное, нужно уволиться. Устроюсь полы мыть, а то не взяли, когда узнали, что актриса. А если уволюсь - возьмут.

АННУШКА. Оля...

ЛЕВ. Какой ваш самый страшный день, Оля?

ОЛЯ. Что? Опять? Опять психотерапия? Серьёзно? Ладно, давайте. Да, мне не звонит сын. Не разговаривает. С днём рождения не поздравляет. Это кульминация, не будем терять время.

ЛЕВ. Да чёрт с ним, с сыном. Давайте про вас. Вы как будто застряли в каком-то чёрном-чёрном дне. На дне.

ОЛЯ. Одне. На дне одне. Как же выпить хочется. Господи! За что? За что мне это всё? Зачем ты меня держишь в этой стране, в этом городе, в этом театре, на этой репетиции? За что?

ЛЕВ. Но ведь двери открыты, Оля. Двери открыты.

ОЛЯ. Да?

ЛЕВ. Двери открыты.

Пауза. Оля колеблется, но остается. Лев обнимает Олю.

ЛЕВ. Снегурочку будет играть Анна Константиновна. Злюку - Кристина. Я могу всё остальное. А режиссёр - Оля.

10.

Комната Кости в театре. Костя и Мария.

МАРИЯ. Честно сказать, ты у меня первый. Любовник первый. Ну, конечно, были до брака... надо посчитать, в каком году? В тысяча девятьсот...

КОСТЯ. Неважно.

МАРИЯ. Я тогда пять раз...

КОСТЯ. Неважно.

МАРИЯ. Что неважно?

КОСТЯ. Числа - это неважно. Можешь без чисел рассказывать?

МАРИЯ. Без чисел? Странно. Могу. В общем, тогда был у меня один толкиенист. Преследователь Толкиена.

КОСТЯ. Последователь.

МАРИЯ. А, да, последователь. Просто раньше все были последователями, а потом все стали преследователями, так и живём.

КОСТЯ. Да.

МАРИЯ. Так вот, толкиенист. Но это не считается – замуж вышла и всё обнулилось. Да, обнулилось. Ой, опять числа, да? Не буду. И вот, с тех пор, ни разу, ни единого... ни одного... Да что ж такое, всё числа проклятые везде. В общем, ты первый. Да, блин, зараза. Как сказать-то? Короче, мужу не изменяла никогда. И внезапно. Это. Произошло. Как так, Кость?

КОСТЯ. Маш, лучше подумай, как благоустроить тут всё. Теперь собственной попой чувствуешь, какой матрас поганый? Бугры ощущаешь?

МАРИЯ. Ощущаю. А думать не хочу. Надоело думать. Вредная привычка. Я вам тут что, мамочка? За вас тут всё решать, нянчиться с каждым. Хватит. Всё. Инфантилы. Боги-аллахи: лежу тут, а там люди в приёмной ищут меня.

КОСТЯ. Позвонят.

МАРИЯ. Телефон выключила. Неужели у меня какая-то жизнь началась помимо театра?

КОСТЯ. Почему помимо? Ты в театре лежишь.

МАРИЯ. Но на самом-то деле в Рио-де-Жанейро.

КОСТЯ. Так-то да.

МАРИЯ. А ведь раньше Мандельштама знала. Учила наизусть. Надо же, забыла совсем про него. Это мне лет... опять число. Короче, юная. «Я трамвайная вишенка страшной поры, и не знаю, зачем я живу».

КОСТЯ. «Быть может, прежде губ уже родился шёпот».

МАРИЯ. «Бессоница, Гомер, тугие паруса, я список кораблей прочёл до половины».

КОСТЯ. «Сей длинный перечень, сей поезд журавлиный, что над Элладю когда-то поднялся!»

МАРИЯ. Какой ты красивый мужик, Кость. Давай разведусь, квартиру поменяем с мужем, ко мне переедешь.

КОСТЯ. Так это же тот же театр.

МАРИЯ. Ну да. Ты же любишь театр. Будем праздновать день рождения Станиславского. Семнадцатого января, да?

КОСТЯ. Маш, я нахожусь в кризисном периоде своей жизни, и...

МАРИЯ. Не тороплю, подумай, конечно. Но матрас у меня гораздо лучше. Тараканов нет. Но кошек тоже нет, и рыбок, так что, неидеально, да.

КОСТЯ. А ты интересная, Маш, оказывается.

МАРИЯ. Да? Считаешь? Ах, Костичка...

КОСТЯ. Маш...

МАРИЯ. Иди сюда...

КОСТЯ. Маш...

МАРИЯ. Иди ко мне...

КОСТЯ. Ну, Маш... мы же только что... я же не какой-то там двадцатилетний...

МАРИЯ. Не надо рассказывать числами, стоп-стоп, иди сюда, медвежонок...

КОСТЯ. «И ты пытаешься желток / Взбивать рассерженною ложкой / Он побелел, он изнемог / Но всё-таки ещё немножко».

МАРИЯ. Что это?

КОСТЯ. Что-что? Мандельштам твой любимый, Маш.

Раздается стук в дверь, ещё один.

МАРИЯ (Косте). Кто это?

КОСТЯ (громко). Кто там?

ЛЕВ (*за дверью*). Константин, это я, Лев.

Мария вскакивает, начинает быстро одеваться.

КОСТЯ (*громко*). Лев! Да-да, сейчас, подождите немножко.

Костя тоже встаёт, быстро одевается. Но потом начинает опять раздеваться.

КОСТЯ (*громко*). Лев! Вы знаете, я болею. Лежу в кровати голый.

Входит Лев.

ЛЕВ. Ой, оказывается, у вас открыто, извините. (*Марие*) Мама?

Мария показывает Льву жест «Но пасаран».

МАРИЯ. Сын, приветствую.

КОСТЯ. Мария Ивановна принесла мне таблетки. Градусник. В общем, всё, что положено.

МАРИЯ. Морс.

ЛЕВ. Где морс?

КОСТЯ. Мы выпили морс.

Звякает пустая бутылка, которую Мария задела случайно ногой.

МАРИЯ. Ну что ж, Константин Михайлович, пойду, вам уже лучше, да?

КОСТЯ. Да. Благодарю, Мария Ивановна, чрезвычайно. Хотел сказать, гораздо. Гораздо лучше.

ЛЕВ. Подожди, мам. Мам, ты не знаешь, но у нас была ссора с Константином, да. Хочу в твоём присутствии, как директора театра, попросить у Константина прощения. Простите меня, Константин. Я был не прав.

КОСТЯ. У меня? Но это же **я** вас ударил. В смысле, уронил. Это **я** должен...

МАРИЯ. Что? Ударил? Ты его? (*Льву*) Лёва, где? Что случилось?

ЛЕВ. Мама, ничего не случилось, получил урок, всё осознал. Был не прав.

КОСТЯ. Лев... Геннадьевич, мне дико неудобно сейчас, но это вы меня простите! Я трус!

ЛЕВ. Нет, это **я** трус.

МАРИЯ. Трусы наденьте уже, Константин Михайлович, и вставайте. И рассказывайте оба, что случилось?

ЛЕВ. А как же папа?

МАРИЯ. Что, теперь не будешь мне звонить, да? Как Олин сын? Исчезнешь?

Мария убегает.

КОСТЯ. Уеду завтра из города, не волнуйся. Отпуск возьму без содержания, или уволюсь. И... на Байкал.

ЛЕВ. Так она что, будет страдать теперь?

КОСТЯ. Почему?

ЛЕВ. Ну, от разлуки.

КОСТЯ. Не знаю. Но мне по-любому надо ехать.

ЛЕВ. Не хочу, чтобы она страдала.

КОСТЯ. Ты классный пацан. Всё будет хорошо.

11.

Примерка Кристины и Аннушки. Кристина и Аннушка.

АННУШКА. О, вы сегодня такая интересная! Похожа на Вивьен Вествуд!

КРИСТИНА. К роли готовлюсь. К роли Зюки. Решила идти через бунтарку к ней. У меня другое прочтение образа, не как у Ольги. У неё паучиха, а у меня панк, скорее. Закурим?

АННУШКА. Это вы детям предложите?

КРИСТИНА. Не, так, импровизирую, настроение создаю. Ну и мужчинам нравится.

АННУШКА. Дорогуша, так вы всех женихов распугаете.

КРИСТИНА. Наоборот.

АННУШКА. У актрис с замужеством бывают проблемы. Я, например, так и не сподобилась замуж. *Carpe vitam* – вкушай жизнь! Всегда было моим девизом.

КРИСТИНА. А я и в актрисы-то пошла, чтобы выйти замуж за классного парня. Думала, такая серая мышь, что не удержу. У меня самой отца не было, не знаю даже, кто он. Мама не говорит. Но потом так втянулась... Пофиг мечты. Какая семья? Есть театр! И теперь даже не знаю. Вот если бы ваш любимый вас позвал с собой, вы бы бросили театр, Анна Константиновна?

АННУШКА. Я бы взяла его с собой. Театр. Театр – это и есть я, мы сиамские близнецы.

КРИСТИНА. Но легко сказать, а... Что это вы там всё ищите?

АННУШКА. Дорогуша, вы не видели моё кольцо? Такое жёлтое как глаз кошки.

КРИСТИНА. Вы меня вчера про него спрашивали. И позавчера. Нет, не видела.

АННУШКА. Вчера? Но я только сегодня его потеряла.

КРИСТИНА. Просто вы забыли, Анна Константиновна.

АННУШКА. Да ничего не забыла! Глупости. У меня отличная память для моего возраста. Да и возраст ли это для артиста?

КРИСТИНА. Да? А как меня зовут?

АННУШКА. Вас?

КРИСТИНА. Ну да, меня. Не помните же.

АННУШКА. Всё помню, конечно. Но вы лучше скажите, где кольцо?

КРИСТИНА. Думаю, вы его в ломбард сдали примерно когда Горбачёв сидел в Форосе.

АННУШКА. Горбачёв?

КРИСТИНА. Ну да.

АННУШКА. В Форосе?

КРИСТИНА. Да, в Форосе.

АННУШКА. Боже, а ведь, может, и действительно в том августе...

КРИСТИНА. Вообще не понимаю, почему из театра не увольняют профнепригодных. У вас же деменция, Анна Константиновна.

АННУШКА. У кого? У меня?

КРИСТИНА. Вы, наверное, прямо на сцене хотите откинуться, да? Посреди спектакля. Актриса забыла своё имя, но не дорогу в театр, и только смерть смогла избавить театр от...

АННУШКА. Да как вы смеете? Как вы смеете такое говорить?

КРИСТИНА. А всё равно забудете. Один фиг, можно чё угодно сказать. Играете бездарно.

АННУШКА. Что?!

КРИСТИНА. Фу, я такая злая, аж страшно. Для роли Зюки норм, да? Хорошо настроилась?

АННУШКА. А, так это подготовка к роли? Дорогуша, вы меня уже напугали. Понимаю теперь. Если ради театра – всё понимаю. Мы – люди искусства. Мы ему служим. Ничего личного, как говорится. Обычным людям понять такое сложно, но *aurum nostrum non est aurum vulgi*. Наше золото не золото толпы. Впрочем, колечко верните всё же.

12.

По зданию театра шагает Костя с чемоданом на колёсах. За ним семенит Мария.

МАРИЯ. Ну это смешно, Константин Михайлович. Просто смешно. В Сибирь зимой? Вы там взвоете от обморожений. А у нас зритель взвоят. Потому что вас не увидит. А нам что, делать вводы? Они же вас так любят, Константин Михайлович. Да, любят. Они же пищат, кричат, букетики дарят. Что ещё надо? Кузнецов простил, претензий не имеет за тот случай на «Гамлете». Говорит, ерунда, подумаешь, придушил совсем немного. Он вообще электрошокер купил и ходит теперь спокойно, ничего не боится. Костя, ну куда ты ломишься? Самолёты отменили из-за погоды. Поезда дорогие, и долго это. Папа всё равно уже умер! Его душа на небе, Кость, можно с небом откуда угодно разговаривать. Но даже не это... Там страшно, Кость. Ты не видел Россию, а там страшно. Правду говорю тебе. Там реальная жизнь, понимаешь? Цены растут, в народе беспокойно. И так всегда будет, Кость. Что тебе этот Байкал? Его уже китайцы купили, и скоро всю воду оттуда выпьют. Их много, Кость, китайцев. У них жажда. Это от соевого соуса, наверное. Но и наши люди, они... они очень скучные, Кость, и театра совершенно не знают. О чём ты будешь с ними? С ними же говорить не о чём! Они телевизор смотрят, не как я, а по-настоящему! Ты загрустишь, Кость. Будешь одинокий, грустный, будешь цитировать Шекспира в пустоту как городской сумасшедший. Или даже сельский сумасшедший, если там посёлок. Представь, ты им из «Лира»: «Как мухам дети в шутку, нам боги любят крылья обрывать», а они тебе гнилую рыбу бросают. Да, как божу или последней собаке. И у тебя опухают пальцы от всего этого, и на ногах язвы. Да, язвы, Кость! И вонь... А ведь ты... ты... Ты же орхидея, Кость. Орхидеи не могут в Сибири. Был бы ты пихта, там, не знаю, сосна, даже берёза, но ты же орхидея, Костичка! Да, орхидея! Холодный воздух России тебя погубит! Стой! Стой! «Я скажу тебе с последней прямоотой: всё лишь бредни, Шерри-бренди, ангел мой». Ну куда ты?! Стой! Я всё мужу сказала. Он не обиделся.

Костя выходит из театра.

14.

**Интермедия, утро, фойе театра, очень много детей и их родителей.
Выходит Аннушка в костюме снегурочки.**

АННУШКА. *Esto brevis* – будь краток, так говорили древние римляне. А я буду говорить по-русски и от самого сердца. Мои дорогие, Дед Мороз пропал, но мы сейчас что-нибудь придумаем, да? Мы же с вами умненькие? Вот и придумаем. Ой, кто это к нам приближается?

Кристина в костюме Зюки выходит в танце.

КРИСТИНА. Я спрятала вашего деда!

АННУШКА. Ну что ж, может, это и к лучшему, да, ребят?

Дети кричат хором «Да!»

КРИСТИНА. И что? Ты не будешь со мной бороться?

АННУШКА. А зачем?

КРИСТИНА. Ну это же весело.

АННУШКА. А, ну тогда... *(громко свистит, засунув пальцы в рот)*

Прилетает Лев в костюме драконокрокодила.

ЛЕВ. Я летающий крокодил. Видели раньше таких?

Дети кричат хором «Нет!»

ЛЕВ. А кто здесь хочет повеселиться?

Дети кричат хором «Мы!»

ЛЕВ. Тогда давайте веселиться!

Лев весело гоняется за Кристиной, дети смеются, часть детей подключается к погоне. Оля, наблюдающая за своим спектаклем со стороны, чувствует вибрацию телефона в заднем кармане брюк. Достает телефон – отвечает на видеовызов.

ОЛЯ. Алё. Алё. Ваня? Ваня? Где ты, Вань? Так далеко? У тебя ночь? Всё в порядке? Точно? Ваня, почему ты не звонил? Почему не звонил маме? Конечно, прощаю. Конечно, прощаю, Вань. Только больше так не делай, Вань. Всё хорошо? Что? Ты приедешь? Ты точно приедешь, Вань? Ты не шутишь, Вань? Так не надо шутить. Что? Ты сейчас правду? Ты правда? Ты правда любишь? И я, конечно. Конечно, и я, Вань. Тебя люблю.

ЛЕВ. Ну что, умотали вы бедного крокодила, победила ты, Зюка.

КРИСТИНА. Да не зюка я. Вот, могу поцеловать тебя.

Кристина целует Льва.

КРИСТИНА. И вообще вам подарки принесла. Кто хочет подарков?

Дети кричат хором «Я!»

КРИСТИНА. А подарок получит тот, кто покажет лебедя!

Аннушка демонстрирует детям, как танцевать лебедя, Кристина и Лев раздают подарки. В фойе заходит Костя. Он держит пакет. Он ищет глазами Марию. Она первая замечает Костю и бежит к нему. Он встаёт на колени, обнимает её снизу.

КОСТЯ. Маша, я вернулся, там холодно, Маш. Могилку замело. Я плакал. Я так плакал, Маш. Слезы замерзали на морозе. Мне было так одиноко, Маш. Совсем один посреди снега – много, много километров снега. *(протягивает пакет)* Привёз рыбки. Бери, бери! Всякой рыбки привёз, Маш. Примешь меня? Примешь меня? Надо всех позвать, надо Олю покормить. Прозрачная рыбка, Маш, голомянка. Ты примешь меня? Я так соскучился, Маш. Так соскучился.

КОНЕЦ